

ОСОБЕННОСТИ СУБЪЕКТИВНОГО ВОСПРИЯТИЯ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ВРЕМЕНИ ПАЦИЕНТОВ, ПРОХОДЯЩИХ ЛЕЧЕНИЕ ОТ АЛКОГОЛЬНОЙ И НАРКОТИЧЕСКОЙ ЗАВИСИМОСТЕЙ

С.Г. Климанова¹, А.В. Трусова^{1,2}, А.А. Березина², К.А. Мустафина²,
А.Н. Шамаева², А.Н. Гвоздецкий²

¹ Санкт-Петербургский научно-исследовательский психоневрологический институт им. В.М. Бехтерева, г. Санкт-Петербурга

² Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербурга

Субъективное восприятие психологического времени является одной из значимых характеристик функционирования человека. По данным многочисленных исследований, особенности восприятия психологического времени во многом детерминируют способность индивида к саморегуляции. В связи с этим особый интерес представляют исследования восприятия психологического времени пациентами с аддиктивными расстройствами. В статье приведены результаты исследования субъективного восприятия психологического времени в группе пациентов (n=111), проходящих лечение от алкогольной и наркотической зависимостей, указывающие, что наиболее часто встречающаяся в этой выборке временная перспектива – Будущее и Гедонистическое Настоящее (по шкале временной перспективы Ф. Зимбардо). При этом пол пациентов не оказывает значимого влияния на распределение преобладающей временной перспективы. В группе пациентов с алкогольной зависимостью значимо чаще встречается ориентация на Позитивное Прошлое. Участники исследования значимо отличаются от нормативной выборки по параметрам семантического дифференциала времени – его активности, величине, эмоциональной окраске и структуре. На особенности эмоционально-когнитивной оценки временных модусов влияют как пол пациентов, так и тип зависимости. Полученные результаты планируется использовать в рамках психологического консультирования при лечении и профилактике зависимостей.

Ключевые слова: субъективное восприятие психологического времени, временная перспектива, семантический дифференциал времени, зависимость, гендерные различия.

Восприятие времени – один из фундаментальных аспектов функционирования личности. Восприятие времени является значимой детерминантой способности к самосознанию и эмоциональной регуляции (Wittmann, Butler, 2016; Wittmann et al., 2015; Вассерман с соавт., 2005), саморегуляции и самоконтролю поведения (Fieluaine, Martinez, 2011; Wittmann, Paulus, 2007), мотивации (Нюттен, 2004; Lens et al., 2012), выбору эффективного копинга (Davies, Filipporoulos, 2015; Bolotova, Nachaturova, 2013), планированию и принятию решений (Wittmann, Paulus, 2007; Zimbardo, Boyd, 1999) и т. п.

Первые упоминания о значимости восприятия психологического времени в функционировании человека и необходимости его

дальнейшего изучения встречаются в работах Джеймса, Франка, Левина (цит. по Bolotova, Nachaturova, 2013; Мандрикова, 2008; Ральникова, 2001).

У. Джеймс одним из первых в психологической науке отметил значимость изучения времени и его влияния на поведение человека; включая восприятие времени в особых состояниях сознания. Впоследствии в работах Уотсона и Скиннера отмечалось, что именно предшествующее научение является главной детерминантой поведения человека. Бихевиористские теории влияния прошлого опыта были дополнены К. Левином положениями о том, что восприятие как прошлого, так и будущего в настоящий момент времени значимо воздействуют на когнитивно-эмоциональное

функционирование человека, и, следовательно, на его поведенческие выборы. Б.В. Зейгарник, ученица и последовательница К. Левина, также отмечала значимость для целеполагания и формирования личности как прошлого опыта, так и способности объективно оценивать развитие ситуации в настоящем и будущем. В трудах Фрэнка по изучению «жизненного пространства» в 1939 был впервые введен термин «временная перспектива» (цит. по Volotova, Nachaturova, 2013; Квасова, 2010, Мандрикова, 2008; Ральникова, 2001). Синонимичными по отношению к временной перспективе (ВП) терминами являются «временная перспектива», «жизненный путь», «временная транспектива» и др. (Квасова, 2010; Ральникова, 2001).

В настоящее время можно выделить несколько значимых направлений в изучении феномена психологического времени: мотивационный, типологический и патопсихологический подходы, исследование временной перспективы как черты личности (временные ориентации), психология «жизненного пути» (Сырцова, 2008).

Несмотря на длительную историю изучения этого феномена, до сих пор не существует единой методологии определения субъективной оценки восприятия психологического времени. Обобщая работы различных авторов, можно определить субъективное восприятие психологического времени как переживание человеком временного континуума собственной жизни, как приписывание определенных представлений и когнитивно-эмоциональных свойств прошлому, настоящему и будущему, а также как ориентацию себя по отношению к одному из этих временных отрезков (Zimbardo, Boyd, 1999; Adams, Nettle, 2009; Мандрикова, 2008; Вассерман с соавт., 2005; Нюттен, 2004; Ральникова, 2001).

Субъективное восприятие психологического времени (СВПВ) формируется в процессе субъективной реконструкции прошлых событий, предвосхищении будущего и отражении репрезентации настоящего (Zimbardo, Boyd, 1999), и его следует дифференцировать от понятий «восприятие времени» – субъективного переживания и оценки длительности, скорости и последовательности временных интервалов (Москвин, Поповичев, 1998; Элькин, 1962) и «временное предпочтение» – предпочтения вознаграждения в более раннее время по сравнению с более поздним (Ключа-

рев, Шмидс, Шестакова, 2011). Однако некоторые авторы указывают на их взаимосвязь. Например, Wittmann и Paulus (2007) отмечают, что повышенная импульсивность коррелирует с переоценкой длительности интервалов, вследствие чего лица с повышенной импульсивностью в меньшей степени способны действовать в расчете на отсроченное вознаграждение по сравнению с лицами, характеризующимися развитым самоконтролем. В более поздних исследованиях (Wittmann et al., 2015) выявляется взаимосвязь между субъективным ощущением протекания времени и временной перспективой – гедонистическое настоящее ассоциируется со сниженной упорядоченностью жизни и более быстрым протеканием времени за прошлую неделю; негативное прошлое ассоциируется с повышенной упорядоченностью жизни и ощущением давления и расширения времени, а ориентация на будущее ассоциируется с более быстрым протеканием времени. Имеются данные Teuscher и Mitchell (2011) о том, что сниженная ориентация на будущее и значимое временное дисконтирование коррелируют с различными формами дезадаптивного поведения, например, с аддиктивными расстройствами, делинквентностью и т. п. Однако взаимосвязь между такого рода измерениями времени не устанавливается. По мнению Adams и Nettle (2009), способность учитывать последствия поступков и откладывать получение вознаграждения предполагает наличие ориентации на будущее. В то же время Siu (2014) не выявил значимых корреляций между восприятием времени и временной перспективой у подростков и у взрослых, несмотря на то, что эти выборки значимо отличались по обоим параметрам.

Таким образом, имеются основания утверждать, что восприятие времени в целом и субъективное восприятие психологического времени могут быть взаимосвязанными конструктами, но такая связь не линейна и может быть опосредована другими личностными или ситуативными характеристиками.

В настоящее время существует много диагностических методик, измеряющих субъективное восприятие психологического времени (см. обзор в работах Boniwell et al., 2010; Ральникова, 2001). Широко используются имеющие хорошие психометрические показатели методики «Шкала временной перспективы Ф. Зимбардо» (Zimbardo, Boyd, 1999) в русскоязычной адаптации (Сырцова, Соколо-

ва, Митина, 2008) и «Семантический дифференциал времени» (Вассерман с соавт., 2005).

Шкала временной перспективы Зимбардо направлена измерение оценки собственного временного континуума и склонности ориентировать себя к одному из временных отрезков (прошлое, настоящее, будущее).

Семантический дифференциал времени используется для диагностики когнитивных и аффективных компонентов субъективного восприятия психологического времени (Вассерман с соавт., 2005).

Субъективное восприятие психологического времени взаимосвязано с когнитивно-эмоциональными и мотивационными аспектами функционирования человека, и следовательно, с такими конструктами, как способность к постановке целей, склонность к риску, прогноз развития ситуации, оценка последствий, потребность в поисках ощущений, аддикции и т. п. (Zimbardo, Boyd, 1999; Вассерман с соавт., 2005). В частности, многие авторы отмечают значимость восприятия психологического времени в процессе саморегуляции и самоконтроля. Одним из первых Ж. Нюттен указал на значимость когнитивной оценки будущего в мотивационной регуляции поведения (Нюттен, 2004; Nuttin, 2014). В свою очередь, Fieluaine и Martinez (2010) выделяют несколько теоретических обоснований связи временной перспективы и саморегуляции:

1) в основе самоконтроля и саморегуляции лежит необходимость учета краткосрочных и долгосрочных последствий поведенческих выборов;

2) многочисленные исследования указывают на то, что временная ориентация значимо связана с тенденцией к ведению здорового образа жизни (ЗОЖ);

3) исследования показывают, что восприятие психологического времени и способность к саморегуляции не только оказывают влияние на поведение человека, но и воздействуют друг на друга.

Исследования субъективного восприятия психологического времени у здоровых лиц указывают на то, что ориентация на настоящее, а именно гедонистическое настоящее и негативное прошлое (по предложенной Ф. Зимбардо классификации), являются факторами риска злоупотребления психоактивными веществами (Braitman, Henson, 2015; Трусова, Климанова, Киселев, 2013; Fieluaine, Martinez, 2011; Ortuno, Gamboa, Gomes, 2010;

Савлакова, 2010; Keough, Zimbardo, Boyd, 1999). Ориентация на будущее значимо негативно коррелирует с употреблением психоактивных веществ (ПАВ) и позитивно – со склонностью к ведению здорового образа жизни (Трусова, Климанова, Киселев, 2013; Addams, Nettle, 2009; Keough, Zimbardo, Boyd, 1999). При этом некоторые исследования (Braitman, Henson, 2015) указывают на то, что временная перспектива является предиктором склонности к ведению здорового образа жизни (ЗОЖ). Так, по мнению Braitman, Henson, (2015), ориентация на будущее является значимым предиктором ведения ЗОЖ и использования профилактических мер.

По данным Keough (1999), временная перспектива является значимым предиктором злоупотребления ПАВ, сохраняющим свою роль даже после контроля за такими ковариатами, как пол, личностные черты, социокультурные факторы. При этом отмечается, что женщины чаще ориентированы на будущее, а мужчины – на настоящее, что представляет особый интерес в контексте большей распространенности зависимости от ПАВ среди мужчин.

По мнению некоторых авторов, взаимосвязь между временной перспективой и злоупотреблением ПАВ, имеет нелинейный характер. Так, Fieluaine и Martinez (2011) отмечают, что временная перспектива является проксимальным предиктором поведенческих намерений (behavioral intentions), опосредованным проксимальными установками (attitudes), способностью к поведенческому контролю, и субъективными нормами. По мнению Willis, Sandy и Yaeger (2001), связь временной перспективы и склонности к злоупотреблению ПАВ опосредована существующими копинг-механизмами. В то же время временная перспектива является значимым медиатором взаимосвязи между факторами рекламы выбора ЗОЖ с упоминанием долгосрочных его преимуществ и поведенческими выборами – индивидуумы с ориентацией на будущее более склонны прислушиваться к подобным призывам (Adams, Nettle, 2001).

Таким образом, можно утверждать, что на фоне значимой нелинейной взаимосвязи между временной перспективой личности и склонностью к злоупотреблению ПАВ сама временная перспектива личности является особым конструктом, определяющим способность человека к саморегуляции поведения.

Зависимость от ПАВ характеризуется следующими симптомами: непреодолимое желание принимать ПАВ при неспособности контролировать его прием; продолжение употребления ПАВ, несмотря на пагубные последствия и в ущерб другим видам деятельности; повышенная толерантность к действию ПАВ; развитие абстинентного синдрома (ВОЗ, 1995; АРА, 2013). Развитие зависимости от ПАВ ведет к значительной личностной и социальной дезадаптации человека, включая нарушения темпоральной организации жизни (нарушения циркадианного ритма, привычного уклада и т. п.).

Существуют значимые отличия в развитии, протекании и лечении зависимости от ПАВ у мужчин и женщин. У женщин такая зависимость развивается значительно реже и очевидно в более позднем возрасте, чем у мужчин. Среди женщин также значимо чаще встречается коморбидность с аффективными расстройствами, поскольку женщины более склонны использовать алкоголь для эмоциональной саморегуляции (Brady, Randall, 1999). При этом мужчины чаще поступают на лечение в связи с злоупотреблением алкоголем, а женщины – в связи с употреблением других ПАВ (Wechsberg et al., 1998).

В настоящее время исследования субъективного восприятия психологического времени у пациентов с зависимостью от ПАВ крайне немногочисленны. Представленные в публикациях данные указывают на то, что для зависимых от ПАВ пациентов характерны фиксация на «сейчас» в совокупности с отрешенностью от настоящего времени из-за излишней сосредоточенности на цикле употребления ПАВ (Davies, Filippopoulos, 2015), «укороченное» восприятие будущего, заниженная оценка важности отсроченных последствий поступков (Davies, Filippopoulos, 2015; Petry, Bickel, Arnett, 1998; Manganiello, 1978) и переоценка длительности временных интервалов, сохраняющаяся даже после периода абстиненции (Ogden, Montgomery, 2012; Wittmann et al., 2007).

По данным проведенного Davies и Filippopoulos (2015) лонгитюдного исследования динамики временной перспективы в группе проходящих реабилитацию пациентов с алкогольной и наркотической зависимостями после лечения отмечается переход от высоких показателей негативного прошлого и

гедонистического настоящего, а также низкой ориентации на будущее к увеличению показателей позитивного прошлого и ориентации на будущее.

Таким образом, следует отметить, что изучение восприятия психологического времени представляет особый интерес в клинике и профилактике аддиктивных расстройств. На данный момент российские исследования, посвященные изучению особенностей восприятия психологического времени у пациентов с химической зависимостью, крайне немногочисленны, в том числе практически отсутствуют данные о взаимосвязи гендерных различий и типа употребляемого ПАВ с восприятием психологического времени.

Цель исследования – исследование особенностей субъективного восприятия психологического времени у пациентов, проходящих лечение от наркотической и алкогольной зависимостей.

Задачи исследования:

1. Изучить особенности временной перспективы и семантического дифференциала времени у пациентов, проходящих лечение в связи с зависимостью от ПАВ.

2. Проанализировать гендерные различия в субъективном восприятии психологического времени у пациентов, проходящих наркотическое лечение.

3. Оценить различия в субъективном восприятии психологического времени между пациентами в группах, получающих лечение от алкогольной и от наркотической зависимости.

Дизайн исследования. Исследование проводилось на базе отделения лечения больных алкоголизмом Санкт-Петербургского научно-исследовательского психоневрологического института им. В.М. Бехтерева (СПб НИПНИ им. Бехтерева) и наркологических реабилитационных центров Санкт-Петербургского межрайонного наркологического диспансера № 1 (СПб МНД № 1). Критериями включения в исследование являлись: возраст 18–60 лет; установленный диагноз «Синдром зависимости от алкоголя» (коды F 10.25, F 10.26 по Международной классификации болезней 10-го пересмотра, МКБ-10) либо «Синдром зависимости от опиоидов» (F11.2); свободное владение русским языком. Критериями невключения в исследование были: выраженные проявления синдрома отмены приема ПАВ; выраженные когнитивные нарушения и/или наличие коморбидного психического заболе-

вания; выраженные соматические расстройства; интенсивная фармакологическая терапия, изменяющая свойства внимания и способность воспринимать новую информацию.

В настоящей публикации представлены результаты, полученные с использованием следующих инструментов оценки:

- оригинальная анкета, составленная для целей описываемого исследования, регистрирующая основные социально-демографические и клинические данные (возраст, пол, тип употребляемого ПАВ, длительность пребывания в стационаре, опыт лечения и пр.).

- *шкала временной перспективы Ф. Зимбардо* (Zimbardo, Boyd, 1999) в русскоязычной адаптации (Сырцова, Соколова, Митина, 2008), предназначенная для выявления преобладающей временной перспективы (ВП) личности.

- *семантический дифференциал времени* (Вассерман с соавт., 2005), направленный на оценку когнитивно-эмоциональных аспектов субъективного восприятия психологического времени.

Статистическая обработка материалов проводилась с использованием компьютерного пакета статистических программ SPSS Statistics ver.20.0 и пакета программного обеспечения R ver.3.3.1. В качестве описательных характеристик количественных данных использовались среднее и стандартное отклонение ($M \pm SD$), для порядковых данных – значения медианы, верхнего и нижнего квартилей (25-го и 75-го перцентилей, $Mdn(Q_1; Q_3)$). Дискретные показатели описывались абсолютным значением и долей от целого ($n, \%$).

Для сравнения показателей семантического дифференциала времени с нормативной выборкой использовался *t-test* Стьюдента, для выявления корреляций между шкалами временной перспективы и семантического дифференциала времени рассчитывались значения r_s коэффициента корреляции Пирсона. Для проверки гипотез влияния факторов на равенство распределений изучаемых параметров использовалась модель класса логистической регрессии с проверкой нулевой гипотезы – равенства коэффициентов регрессии нулю. Нулевая гипотеза отклонялась при вероятности ошибки первого рода (p) менее 0,05. Для вычисления условно-вероятностных связей между переменными использовалось построение байесовских сетей с помощью гиб-

ридного алгоритма общей двухэтапной ограниченной максимизации *grow-shrink*.

Результаты исследования. Выборку исследования составили 111 человек (49 женщин, 62 мужчин), средний возраст – $37,10 \pm 10,6$ ($M \pm SD$). При этом 68 участников исследования (61 % выборки) находились на лечении в связи с наркотической зависимостью, 43 (39 %) – в связи с алкогольной зависимостью.

Средний возраст женщин, принявших участие в исследовании, составил $35,78 \pm 11,3$ лет, средний возраст мужчин – $38,15 \pm 10,1$ лет. Женщины и мужчины, принявшие участие в исследовании, не отличались значимо по возрасту.

Средний возраст пациентов с наркотической зависимостью – $33,06 \pm 8,9$ лет, средний возраст пациентов с алкогольной зависимостью – $43,49 \pm 10,0$ лет. Таким образом, средний возраст пациент с алкогольной зависимостью был статистически значимо выше ($p < 0,00$) по сравнению с пациентами с наркотической зависимостью. С целью исключения влияния возраста на исследуемые переменные сравнение групп по типу зависимостей проводилось при помощи модели логистической регрессии с учетом возраста как ковариаты.

В группе женщин 9 пациенток (18 % этой выборки) находились на лечении в связи с употреблением алкоголя, а 40 (82 %) – в связи с наркотической зависимостью. В группе мужчин 34 участника исследования (55 % этой группы) находились на лечении в связи с алкогольной зависимостью, и 28 (45 %) – из-за наркотической зависимости. Таким образом, среди участниц исследования было значимо ($p < 0,001$) больше пациенток с наркотической зависимостью, чем среди мужчин.

Показатели временной перспективы. Данные, полученные в общей выборке, представлены в табл. 1. Доминирующими видами временной перспективы как для мужчин, так и для женщин являются шкальные показатели «Будущее» и «Гедонистическое настоящее», но для женщин также актуальна временная перспектива «Позитивное прошлое».

Женщины – участницы исследования получили, в среднем, значительно меньшее количество баллов по шкале «Гедонистическое настоящее» ($p < 0,001$). Однако женщины не отличались значимо от мужчин по распределению преобладающей временной перспективы (табл. 2).

Таблица 1

Распределение показателей временной перспективы в группах, отличающихся по полу

Шкальные показатели временной перспективы	Подгруппы выборки			
	Женщины		Мужчины	
	(n, %)	Mdn[Q ₁ ;Q ₃]	(n, %)	Mdn[Q ₁ ;Q ₃]
Негативное прошлое	9 (18 %)	3,18 [2,82; 3,73]	7 (11 %)	3,36[2,90; 3,78]
Будущее	16 (33 %)	3,33 [2,89; 3,67]	18 (29 %)	3,39 [2,92;3,89]
Фаталистическое настоящее	4 (8 %)	3,41 [3,00; 3,71]	9 (15 %)	3,57[3,25; 4,17]
Гедонистическое настоящее	10 (20 %)	2,78 [2,33; 3,33]***	18 (29 %)	3,17[2,47; 3,64]***
Позитивное прошлое	10 (20 %)	3,54 [3,08; 4,08]	10 (16 %)	3,62[3,15; 4,08]

Примечание. (n, %) – частота встречаемости преобладающей временной перспективы; Mdn[Q₁;Q₃] – значения описательных статистик по шкалам временной перспективы; *** p<0,001, **p<0,01, *p<0,05 (критерий Хи квадрат).

Таблица 2

Распределение показателей временной перспективы в группах, отличающихся по видам зависимости

Шкальные показатели временной перспективы	Подгруппы выборки			
	Наркотическая зависимость		Алкогольная зависимость	
	(n, %)	Mdn[Q ₁ ;Q ₃]	(n, %)	Mdn[Q ₁ ;Q ₃]
Негативное прошлое	8 (12 %)	3,18 [2,88; 3,66]	8 (19 %)	3,50 [2,85; 3,91]
Будущее	9 (13 %)**	3,11 [2,78; 3,47]***	11 (26 %)**	3,78 [3,33; 3,95]***
Фаталистическое настоящее	7 (10 %)	2,89 [2,41; 3,44]	6 (14 %)	2,89 [2,39; 3,50]
Гедонистическое настоящее	19 (28 %)	3,47 [3,18; 3,88]	9 (21 %)	3,53 [3,18; 4,00]
Позитивное прошлое	24 (35 %)	3,46 [3,06; 4,08]	9 (21 %)	3,69 [3,31; 4,08]

Примечание. (n, %) – частота встречаемости преобладающей временной перспективы; Mdn[Q₁;Q₃] – значения описательных статистик по шкалам временной перспективы; *** p<0,001, **p<0,01, *p<0,05 (критерий Хи квадрат).

Наиболее часто встречающиеся ВП в обеих группах – «Гедонистическое настоящее» и «Будущее», но у зависимых от алкоголя пациентов на первом месте по частоте встречаемости – «Позитивное прошлое», а у пациентов с наркотической зависимостью – «Будущее».

Пациенты с алкогольной зависимостью в среднем имели значительно более высокие баллы по шкале «Позитивного прошлого», чем наркозависимые пациенты (p<0,001). В группе пациентов с алкогольной зависимостью значительно чаще (p<0,001) встречалась преобладающая временная перспектива «Позитивное прошлое».

По сравнению с данными нормативной группы испытуемых, большинство участвовавших в исследовании пациентов с зависимостями описывали прошлое как более упорядоченное и структурированное, настоящее – как более позитивно эмоционально окрашенное, наполненное, структурированное, но ме-

нее динамичное, а будущее – как более динамичное, позитивно эмоционально окрашенное, наполненное, и структурированное (табл. 3).

В группе пациенток были получены значительно более низкие показатели по шкалам «Эмоциональной окраски времени – Прошлое» (p<0,01), «Величины времени – Прошлое» (p<0,01), «Структуры времени – Прошлое» (p<0,01), и «Ощущаемости времени – Прошлое» (p<0,001) (табл. 4).

В группе пациентов с наркотической зависимостью были получены значительно более низкие показатели по шкалам: «Активность времени – Прошлое» (p<0,001), «Эмоциональная окраска времени – Прошлое» (p<0,001), «Величина времени – Прошлое» (p<0,01), «Ощущаемость времени – Прошлое» (p<0,001) и «Активность времени – Будущее» (p<0,05) (табл. 5).

Таким образом, фактор «Негативное прошлое» имеет обратную связь с пока-

Таблица 3

Шкальные значения методики «Семантический дифференциал времени» (общегрупповые данные)

Показатели шкал методики		Средние значения (M± SD)
Активность времени	Прошлое	3,58±6,45
	Настоящее	3,05±6,52***
	Будущее	6,76±4,95***
Эмоциональная окраска времени	Прошлое	1,25±8,84
	Настоящее	4,50±8,12**
	Будущее	9,51±5,29***
Величина времени	Прошлое	3,17±7,17
	Настоящее	5,74±6,03***
	Будущее	10,13±4,50***
Структура времени	Прошлое	2,35±6,34***
	Настоящее	4,49±5,70***
	Будущее	6,20±6,28***
Ощущаемость времени	Прошлое	2,02±6,71
	Настоящее	4,50±5,67
	Будущее	6,22±5,44

*** p≤0,001, **p≤0,01, *p≤0,05 (критерий Т-тест Стьюдента).

Таблица 4

Шкальные значения методики «Семантический дифференциал времени» (гендерные различия)

Показатели шкал методики		Гендерные подгруппы выборки	
		Женщины	Мужчины
		Mdn[Q ₁ ;Q ₃]	Mdn[Q ₁ ;Q ₃]
Активность времени	Прошлое	3,00 [-2,00; 7,25]	3,00 [-2,00; 9,00]
	Настоящее	3,00 [-2,00; 8,00]	4,00 [1,00; 7,75]
	Будущее	6,00 [3,00; 9,25]	7,00 [3,00; 11,00]
Эмоциональная окраска времени	Прошлое	-1,50 [-9,00; 5,25]**	4,50 [-3,00; 9,75]**
	Настоящее	7,00 [2,00; 10,75]	6,50 [-3,00; 10,00]
	Будущее	10,00 [7,00; 14,00]	10,50 [7,00; 14,00]
Величина времени	Прошлое	1,00 [-4,00; 6,00]**	6,00 [2,25; 9,75]**
	Настоящее	6,00 [3,00; 10,25]	7,00 [-0,75; 11,00]
	Будущее	10,00 [7,75; 14,25]	11,00 [9,00; 14,00]
Структура времени	Прошлое	1,00 [-3,00; 6,00]**	3,00[-1,00; 9,00]**
	Настоящее	6,00 [1,00; 9,00]	4,50 [1,25; 8,00]
	Будущее	7,00 [3,75; 10,25]	7,00 [1,00; 11,00]
Ощущаемость времени	Прошлое	-0,50 [-4,00; 3,25]***	5,00 [-1,00; 8,00]***
	Настоящее	5,00 [1,75; 7,00]	5,50 [1,25; 9,00]
	Будущее	7,00 [3,00; 9,00]	6,00 [3,00; 10,00]

*** p≤0,001, **p≤0,01, *p≤0,05 (критерий Хи квадрат).

зателями эмоциональной окраски настоящего (p≤0,01) и ощущаемости времени настоящего (p≤0,05). Фактор «Позитивное прошлое» положительно связан с показателями «Активности времени – Прошлое (p≤0,05), «Эмоциональной окраски времени – Прошлое (p≤0,05), и «Ощущаемости времени – Прошлое» (p≤0,05). Фактор «Гедонистическое настоящее» положительно связан с показателями «Активность времени – Настоящее» (p≤0,01) и «Активность времени – Будущее» (p≤0,05).

Фактор «Фаталистическое настоящее» имеет обратную связь с показателями «Эмоциональная окраска – Будущее» (p≤0,05) и «Величина времени – Будущее» (p≤0,05). Фактор «Будущее» положительно связан с показателем «Эмоциональная окраска – Будущее» (p≤0,05) (табл. 6).

Обсуждение результатов. Результаты исследования указывают на то, что для зависимых пациентов в целом наиболее характерны временные ориентации на «Гедонистическое

Таблица 5
Шкальные значения методики «Семантический дифференциал времени» (различия по клиническим группам)

Показатели шкал методики «Семантический дифференциал времени»		Клинические подгруппы	
		Наркотическая зависимость	Алкогольная зависимость
		Mdn[Q1;Q3]	Mdn[Q1;Q3]
Активность времени	Прошлое	2,00 [-3,00; 6,00]***	8,00 [2,50; 11,50]***
	Настоящее	4,00 [0,75; 8,00]*	2,00 [-4,00; 6,00]*
	Будущее	6,00 [3,00; 8,00]*	10,00 [5,00; 12,00]*
Эмоциональная окраска времени	Прошлое	-2,00 [-9,00; 3,50]***	8,00 [2,50; 10,50]***
	Настоящее	7,00 [1,00; 11,50]	6,00 [-3,00; 9,00]
	Будущее	10,00 [8,00; 14,00]	9,00 [6,50; 13,00]
Величина времени	Прошлое	1,00 [-4,00; 7,50]**	7,00 [5,00; 9,00]**
	Настоящее	8,00 [3,50; 11,00]	5,00 [-1,00; 10,50]
	Будущее	10,00 [8,00; 14,00]	11,00 [8,00; 13,50]
Структура времени	Прошлое	1,00 [-2,50; 5,50]	3,00 [-1,50; 9,00]
	Настоящее	4,00 [1,00; 8,50]	6,00 [1,00; 9,00]
	Будущее	7,00 [3,00; 11,50]	8,00 [1,00; 10,00]
Ощущаемость времени	Прошлое	-1,00 [-3,50; 4,00]***	6,00 [3,00; 8,00]***
	Настоящее	5,00 [2,00; 8,00]	6,00 [1,00; 9,00]
	Будущее	6,00 [2,00; 9,00]	7,00 [3,50; 10,00]

*** $p \leq 0,001$, ** $p \leq 0,01$, * $p \leq 0,05$ (критерий Хи квадрат).

Таблица 6
Соотношение данных исследования по методикам временной перспективы и семантического дифференциала времени

Шкалы методики «Семантический дифференциал времени»		Шкалы методики временной перспективы Ф. Зимбардо				
		Прошлое		Настоящее		Будущее
		Негативное	Позитивное	Гедонистическое	Фаталистическое	
Активность времени	Прошлое	-0,34	0,23*	-0,09	-0,01	0,02
	Настоящее	-0,59	0,01	0,30**	0,06	-0,02
	Будущее	0,78	0,15	0,20*	0,11	0,12
Эмоциональная окраска времени	Прошлое	-0,04	0,24*	0,04	0,01	-0,05
	Настоящее	-0,28**	0,05	0,03	-0,18	-0,03
	Будущее	-0,18	0,10	0,08	-0,21*	0,21*
Величина времени	Прошлое	-0,08	0,12	0,03	-0,03	0,23
	Настоящее	-0,11	-0,02	-0,02	-0,12	0,02
	Будущее	-0,12	-0,02	0,09	-0,24*	0,10
Структура времени	Прошлое	-0,07	-0,09	0,06	-0,09	0,13
	Настоящее	-0,13	-0,05	-0,05	-0,18	0,18
	Будущее	-0,05	-0,05	-0,02	-0,25	0,17
Ощущаемость времени	Прошлое	-0,13	0,20*	0,06	-0,06	0,13
	Настоящее	-0,19*	0,01	-0,11	0,01	-0,02
	Будущее	-0,09	-0,00	0,03	-0,22*	0,12

*** $p \leq 0,001$, ** $p \leq 0,01$, * $p \leq 0,05$ (коэффициент корреляции Пирсона).

настоящее» и «Будущее». Схожая тенденция наблюдалась при сравнении мужчин и женщин – наиболее часто встречающимися доминирующими ориентациями являлись «Будущее» и «Гедонистическое настоящее» (при этом в выборке женщин средний балл, полученный по шкале «Гедонистическое настоящее», был значительно ниже, чем в выборке

мужчин; по распределению преобладающей временной перспективы женщины значимо не отличались от мужчин). Межгрупповые сравнения пациентов с различными формами зависимости от ПАВ показывают, что среди пациентов с наркотической зависимостью преобладали ориентации на «Будущее» и «Гедонистическое настоящее», а среди пациентов с алко-

гольной зависимостью – ориентации на «Будущее», «Гедонистическое настоящее» и «Позитивное прошлое». Среди пациентов с алкогольной зависимостью значимо чаще встречалась ориентация на «Позитивное прошлое»; средние баллы, полученные по данной шкале, также были значимо выше.

Данные выполненного нами исследования значимо отличаются от полученных ранее результатов изучения взаимосвязи временной перспективы и злоупотребления ПАВ (Braitman, Henson, 2015; Addams, Nettle, 2009; Трусова, Климанова, Киселев, 2013; Fieluaine, Martinez, 2011; Ortuno, Gamboa, Gomes, 2010; Савлакова, 2010; Keough, Zimbardo, Boyd, 1999). Таким образом, гипотеза о преобладании «Негативного прошлого» и «Гедонистического настоящего» частично не подтверждается. Можно предположить, что преобладающая временная перспектива может изменяться в процессе развития, течения и лечения зависимости, что, собственно, и отмечается в работе Davies и Filipporoulos (2015). Однако для подтверждения этого предположения необходимы дальнейшие лонгитюдные исследования.

Пол участников не влиял значимо на распределение преобладающей временной перспективы в зависимости от тенденций к злоупотреблению ПАВ, что совпадает с данными Zimbardo и Boyd (1999).

В группе пациентов с алкогольной зависимостью значимо чаще встречалась ориентация на «Позитивное прошлое», средние показатели по этой шкале имели значимо более высокие значения. Ориентация на «Позитивное прошлое» часто ассоциируется с более высоким уровнем физического и психического здоровья. Можно предположить, что полученные результаты отражают более высокий уровень адаптированности пациентов с алкогольной зависимостью. Однако представляется необходимым проведение дальнейших более детальных исследований для подтверждения такой гипотезы.

Результаты исследования по методике семантического дифференциала времени свидетельствуют, что участники исследования описывают настоящее и будущее как более наполненное и позитивно эмоционально окрашенное, но настоящее – как менее динамичное. Возможно, подобный характер восприятия времени отражает, в некоторой степени, состояние пациентов на этой стадии терапевтического процесса, поскольку после

проведения детоксикации возникает очевидное улучшение физического и психического состояний, значимо снижается влечение к употреблению ПАВ.

Интересным представляется тот факт, что участники описывают все три временных модуля как более структурированные. Возможно, описание прошлого отражает дихотомичность цикла «употребление ПАВ – абстиненция», который воспринимается как некоторая упорядоченность, несмотря на то, что окружающие могут воспринимать жизнь пациента в период употребления ПАВ как хаотичную и неупорядоченную. В период проведения исследования его участники проходили лечение в условиях наркологического стационара, что также обеспечивало значимую структурированность их жизни. В то же время страдающие алкогольной и наркотической зависимостями лица описывают будущее как более структурированное, но остается неясным, что будет являться основой будущей структуры. Представляется интересным дальнейшее изучение смысла структурированности времени для пациентов с зависимостью в процессе их дальнейшей реабилитации.

Женщины – участницы исследования описывали прошлое как более негативно эмоционально окрашенное, менее наполненное значимыми событиями, менее структурированное и более отчужденное. Материалы исследований гендерных различий в употреблении ПАВ указывают на то, что развитие зависимости у женщин часто взаимосвязано с некоторыми аффективными расстройствами, а также психотравмирующими ситуациями, включая физическое и сексуальное насилие (Brady, Randall, 1999; Wechsberg et al., 1998). Можно предположить, что характеристики прошлого, полученные в нашем исследовании, связаны с данными факторами. Однако необходимы дальнейшие исследования для более точного понимания причины данных различий.

По сравнению с зависимыми от алкоголя, пациенты с наркотической зависимостью описывали прошлое как менее динамичное, менее эмоционально удовлетворительное, менее наполненное и более отчужденное, и будущее – как менее динамичное и активное. Ориентация на негативное прошлое взаимосвязана с более негативной эмоциональной окраской настоящего и повышенным ощущением отчужденности в настоящем. Ориентация на позитивное прошлое взаимосвязана с восприятием прошлого как более активного,

более позитивно эмоционально окрашенного и более ощущаемого. Ориентация на гедонистическое настоящее значимо позитивно коррелировала с восприятием настоящего и будущего как более динамичного. Фактор «фаталистическое настоящее» значимо отрицательно коррелировал с восприятием будущего как более негативно эмоционально окрашенного и менее наполненного. Ориентация на будущее была взаимосвязана с восприятием будущего как более позитивно эмоционально окрашенного. Таким образом, полученные нами данные подтверждают, что временная ориентация значимо влияет не только на один заданный модус, но и на восприятие других временных промежутков.

Заключение. Восприятие психологического времени является важным маркером эмоционального и психического здоровья, а его особенности могут учитываться в диагностической и лечебной работе с пациентами, страдающими различными аддиктивными нарушениями. Дальнейшие лонгитюдные и аналитические исследования необходимы для более детального изучения взаимосвязи восприятия психологического времени и процесса развития и лечения аддикций.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ (проект № 16-06-01043 «Временная перспектива и эмоционально-когнитивная регуляция поведения у больных с алкогольной зависимостью»).

Литература

1. Вассерман, Л.И. Семантический дифференциал времени как метод психологической диагностики при депрессивных расстройствах / Л.И. Вассерман, О.Н. Кузнецов, В.А. Ташлыков и др. // Пособие для психологов и врачей. – СПб.: СПбНИПНИ им. Бехтерева. – 2005. – 27 с.
2. Квасова, О. Г. Трансформация временной перспективы личности в экстремальной ситуации / О.Г. Квасова // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. – 2010. – Т. 14. – С. 109–117.
3. Ключарев, В.А. Нейроэкономика: нейробиология принятия решений / В.А. Ключарев, А. Шмидс, А.Н. Шестакова // Экспериментальная психология. – 2011. – Т. 4. – № 2. – С. 14–35.
4. Мандрикова, Е.Ю. Современные подходы к изучению временной перспективы личности / Е.Ю. Мандрикова // Психологический журнал. – 2008. – Т. 29. – № 4. – С. 54–65.
5. Международная статистическая классификация болезней и проблем, связанных со здоровьем, МКБ&Ю. – Женева: ВОЗ, 1995. – Т. I. (ч. I). – 698 с.
6. Москвин, В.А. Философско-психологические аспекты исследования категории времени / В.А. Москвин, В.В. Попович // *Credo, теоретический философский журнал*. – 1998. – № 6. – С. 12.
7. Нюттен, Ж. Мотивация, действие и перспектива будущего / Ж. Нюттен. – М.: Смысл, 2004. – 608 с.
8. Ральникова, И.А. Субъективное переживание времени личностью как предмет научного психологического исследования / И.А. Ральникова // *Известия АГУ*. – 2001. – № 2(20). – С. 15–21.
9. Савлакова, Н.М. Временная перспектива личности: теоретический анализ проблемы / Н.М. Савлакова // *Философия и социальные науки*. – 2010. – №3. – С. 18–23.
10. Сырцова, А. Возрастная динамика временной перспективы личности: автореф. дис... канд. психол. наук / А. Сырцова. – Московский психолого-педагогический университет. – М., 2008. – 24 с.
11. Сырцова, А. Адаптация опросника по временной перспективе Ф. Зимбардо на русскоязычной выборке / А. Сырцова, Е.Т. Соколова, О.В. Митина // *Психологический журнал*. – 2008. – № 3. – С. 101–109.
12. Трусова, А.В. Временная перспектива в структуре мотивации сохранения здоровья / А.В. Трусова, С.Г. Климанова, А.Г. Киселев // *Вестник СПбГУ. Серия 12. Психология. Социология. Педагогика*. – 2013. – № 4. – С. 61–67.
13. Элькин, Д.Г. Восприятие времени / Д.Г. Элькин. – М.: АПН РСФСР. – 1962. – 310 с.
14. Adams, J. Time perspective, personality and smoking, body mass, and physical activity: An empirical study / J. Adams, D. Nettle // *British journal of health psychology*. – 2009. – Vol. 14, № 1. – P. 83–105.
15. American Psychiatric Association et al. DSM 5. – American Psychiatric Association, 2013.
16. Bolotova, A.K. The role of time perspective in coping behavior / A.K. Bolotova, M.R. Nachaturova // *Psychology in Russia: State of the Art*. – 2013. – 6. – P. 120–131.
17. Boniwell, I. A question of balance: Time perspective and well-being in British and Russian samples / I. Boniwell et al. // *The Journal of Positive Psychology*. – 2010. – Vol. 5, № 1. – P. 24–40.
18. Brady, K.T. Gender differences in substance use disorders / K.T. Brady, C. L. Randall // *Psychiatric Clinics of North America*. – 1999. – Vol. 22, № 2. – С. 241–252.
19. Braitman, A.L. The impact of time perspective latent profiles on college drinking: a multidimensional approach / A.L. Braitman, J.M. Henson // *Substance use & misuse*. – 2015. – Vol. 50, № 5. – P. 664–673.
20. Davies, S. Changes in Psychological Time Perspective During Residential Addiction Treatment: A Mixed-Methods Study / S. Davies, P. Filippopoulos // *Journal of Groups in Addiction & Recovery*. – 2015. – Vol. 10, № 3. – P. 249–270.
21. Fieulaine, N. About the fuels of self-regulation: Time perspective and desire for control in adolescents

- substance use / N. Fioulaine, F. Martinez // *The psychology of self-regulation*. – 2011. – P. 102–121.
22. Henson, J.M. Associations among health behaviours and time perspective in young adults / J.M. Henson, M.P. Carey, K.P. Carey, S.A. Maisto // *Journal of behavioral medicine*. – 2006. – № 2. – P. 127–137.
23. Keough, K.A. Who's smoking, drinking, and using drugs? Time perspective as a predictor of substance use / K.A. Keough, P.G. Zimbardo, J.N. Boyd // *Basic and applied social psychology*. – 1999. – Vol. 21, № 2. – P. 149–164.
24. Lens, W. Future time perspective as a motivational variable: Content and extension of future goals affect the quantity and quality of motivation / W. Lens et al. // *Japanese Psychological Research*. – 2012. – Vol. 54, № 3. – P. 321–333.
25. Manganiello, J.A. Opiate addiction: A study identifying three systematically related psychological correlates / J.A. Manganiello // *International Journal of the Addictions*. – 1978. – Vol. 13, № 5. – P. 839–847.
26. Nuttin, J. Future time perspective and motivation: Theory and research method / J. Nuttin. – Psychology Press, 2014. – 235 p.
27. Ogden, R. High time / R. Ogden, C. Montgomery // *PSYCHOLOGIST*. – 2012. – Vol. 25, № 8. – P. 590–592.
28. Ortuco, V.E.C. Links between Time Perspective and alcohol consumption. 2010 / V.E.C. Ortuco, V. Gamboa, C. Gomes. – http://www.academia.edu/2535063/Links_between_Time_Perspective_and_alcohol_consumption (дата обращения: 18.09.2016).
29. Petry, N.M. Shortened time horizons and insensitivity to future consequences in heroin addicts / N.M. Petry, W.K. Bickel, M. Arnett // *Addiction*. – 1998. – T. 93, № 5. – P. 729–738.
30. Siu, N.Y.F. Time perception and time perspective differences between adolescents and adults / N.Y.F. Siu et al. // *Acta psychologica*. – 2014. – Vol. 151. – P. 222–229.
31. Teuscher, U. Relation between time perspective and delay discounting: A literature review / U. Teuscher, S.H. Mitchell // *The Psychological Record*. – 2011. – Vol. 61, № 4. – P. 613.
32. Wechsberg, W.M. How are women who enter substance abuse treatment different than men?: A gender comparison from the Drug Abuse Treatment Outcome Study (DATOS) / W.M. Wechsberg, S.G. Craddock, R.L. Hubbard // *Drugs & Society*. – 1998. – T. 13, № 1–2. – P. 97–115.
33. Wills, T.A. Time perspective and early-onset substance use: A model based on stress-coping theory / T.A. Wills, J.M. Sandy, A.M. Yaeger // *Psychology of addictive behaviors*. – 2001. – Vol. 15, № 2. – P. 118.
34. Wittmann, M. *Felt Time: The Psychology of How We Perceive Time* / M. Wittmann, E. Butler. – Mit Press, 2016. – 184 p.
35. Wittmann, M. Impaired time perception and motor timing in stimulant-dependent subjects / M. Wittmann et al. // *Drug and alcohol dependence*. – 2007. – Vol. 90, № 2. – P. 183–192.
36. Wittmann, M. Time Perspective and Emotion Regulation as Predictors of Age-Related Subjective Passage of Time / M. Wittmann et al. // *International journal of environmental research and public health*. – 2015. – Vol. 12, № 12. – P. 16027–16042.
37. Wittmann, M. Decision making, impulsivity and time perception / M. Wittmann, M.P. Paulus // *Trends in cognitive sciences*. – 2007. – Vol. 12. – № 1. – P. 7–12.
38. Zimbardo, P.G. Putting Time in Perspective: A Valid, Reliable Individual-Differences Metric / P.G. Zimbardo, J.N. Boyd // *Journal of Personality and Social Psychology*. – 1999. – Vol. 77, № 6. – P. 1271–1288.

Климанова Светлана Георгиевна, клинический психолог, младший научный сотрудник отделения лечения больных алкоголизмом; Санкт-Петербургский научно-исследовательский психоневрологический институт им. В.М. Бехтерева (Санкт-Петербург), svetlanagk@mail.ru

Трусова Анна Владимировна, кандидат психологических наук, доцент кафедры медицинской психологии и психофизиологии; Санкт-Петербургский государственный университет; научный сотрудник отделения лечения больных алкоголизмом, Санкт-Петербургский научно-исследовательский психоневрологический институт им. В.М. Бехтерева (Санкт-Петербург), anna.v.trusova@gmail.com

Березина Анна Андреевна, магистрант факультета психологии, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург), aneta.berezina@gmail.com

Мустафина Кристина Альбертовна, студент, факультет психологии, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург), sayoceana@gmail.com

Шамаева Алина Нурдиевна, студент, факультет психологии, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург), ashamaeva16@gmail.com

Гвоздецкий Антон Николаевич, аспирант, медицинский факультет, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург), comisora@yandex.ru

Поступила в редакцию 10 октября 2016 г.

CHARACTERISTICS OF SUBJECTIVE PERCEPTION OF PSYCHOLOGICAL TIME IN INDIVIDUALS WITH ALCOHOL AND OTHER SUBSTANCE USE DEPENDENCE

S.G. Klimanova¹, svetlanagk@mail.ru
A.V. Trusova^{1,2}, anna.v.trusova@gmail.com
A.A. Berezina², aneta.berezina@gmail.com.
K.A. Mustafina², sayoceana@gmail.com
A.N. Shamaeva², ashamaeva16@gmail.com
A.N. Gvozdetsky², comisora@yandex.ru

¹ St. Petersburg Bekhterev Psychoneurological Research Institute,
St. Petersburg, Russian Federation

² St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russian Federation

Subjective perception of psychological time is one of the most significant aspects of individual functioning. The results of multiple studies suggest that characteristics of psychological time perception affect individual's ability for self-regulation, including tendency to adhere to healthy lifestyle. Thus, examination of characteristics of psychological time perception in individuals with substance use dependence might have theoretical and practical significance. This article presents the outcomes of the study aimed at exploring characteristics of subjective perception of psychological time in a group of patients (n=111) undergoing treatment for alcohol and other substance use dependence. The results suggest that the prevalent time perspectives in the group of patients were Future and Present Hedonistic. Gender of the participants didn't have any significant impact on the frequency of occurrence of the prevalent time perspectives. However, patients with alcohol dependence had significantly higher occurrence of prevalent Past Positive time perspective as compared to patients with other substance use dependence. Participants in the study significantly differed from normative sample on the following time characteristics – activity, affective quality, magnitude, and structure. The measures of Semantic Differential of Time were significantly affected by gender and type of dependence. Practical implications of the findings are discussed.

Keywords: subjective perception of psychological time, time perspective, semantic differential of time, dependence, gender differences.

This research study was supported by Russian Humanitarian Science Foundation grant №16-06-01043 (“Time perspective and emotional-cognitive regulation of behavior in individuals with alcohol use dependence”).

References

1. Vasserman L.I., Kuznetsov O.N., Tashlykov V.A., Teyverlaur M., Chervinskaya K.R., Shchelkova O.Yu. Semanticheskiy differentsial vremeni kak metod psikhologicheskoy diagnostiki pri depressivnykh rasstroystvakh [Semantic Time Differential as a Method of Psychological Diagnosis for Depressive Disorders]. St. Petersburg, SPbNIPNI im. Bekhtereva Publ, 2005. 27 p.
2. Kvasova O.G. *Transformatsiya vremennoy perspektivy lichnosti v ekstremal'noy situatsii* [Transformation of Time Prospect of the Person in the Extremal Situation]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 14. Psikhologiya* [Bulletin of Moscow University. Series 14. Psychology], 2010, vol. 14, pp. 109–117.
3. Klyucharev V.A., Shmids A., Shestakova A.N. *Neyroekonomika: neyrobiologiya prinyatiya resheniy* [Neuroeconomics: Neuro-biology of the Decision-making]. *Ekspierimental'naya psikhologiya* [Experimental Psychology], 2011, vol. 4, no. 2, pp. 14–35.
4. Mandrikova E.Yu. [Modern Approaches to the Study of Time-per-person prospects]. *Psikhologicheskii zhurnal* [Psychological Journal], 2008, vol. 29, no. 4, pp. 54–65. (in Russ.)
5. *Mezhdunarodnaya statisticheskaya klassifikatsiya bolezney i problem, svyazannykh so zdorov'em, MKB&IO* [International Statistical Classification of Diseases and Related Health MKB & IO]. Zheneva, VOZ, 1995, vol. I. (chast' I). 698 p.
6. Moskvina V.A., Popovich V.V. *Filosofsko-psikhologicheskie aspekty issledovaniya kategorii vremeni. Credo, teoreticheskiy filosofskiy zhurnal*, 1998, no. 6, pp. 12.
7. Nyutten Zh. *Motivatsiya, deystvie i perspektiva budushchego* [Motivation, Action and the Prospect of the Future]. Moscow, Smysl Publ., 2004. 608 p.

8. Ral'nikova I.A. *Sub"ektivnoe perezhivanie vremeni lichnost'yu kak predmet nauchnogo psikhologicheskogo issledovaniya* [Subjective Experience of Time a Person as a Subject of Scientific Psychological Research]. *Izvestiya AGU Publ.*, 2001, no. 2(20), pp. 15–21. (in Russ.)
9. Savlakova N.M. *Vremennaya perspektiva lichnosti: teoreticheskiy analiz problemy* [The Time Perspective of Personality: Theoretical Analise Problems]. *Filosofiya i sotsial'nye nauki* [Philosophy and Social Sciences], 2010, no. 3, pp. 18–23. (in Russ.)
10. Syrtsova A. *Vozrastnaya dinamika vremennoy perspektivy lichnosti. Avtoref. dis. kand. psikh. nauk* [Age Dynamics of Personality Time Perspective. Abstarct of kand. diss.]. *Moskovskiy psikhologo-pedagogicheskiy universitet Publ.*, Moscow, 2008. 24 p.
11. Syrtsova A., Sokolova E.T., Mitina O.V. [Adaptation Questionnaire on Time Perspective Zimbardo on the Russian-speaking Sample]. *Psikhologicheskij zhurnal* [Psychological Journal], 2008, no. 3, pp. 101–109. (in Russ.)
12. Trusova A.V., Klimanova S.G., Kiselev A.G. [The Time Perspective in the Structure of Motivation of Health Preservation]. *Vestnik SPbGU. Seriya 12. Psikhologiya. Sotsiologiya. Pedagogika* [Bulletin of St. Petersburg State University. Series 12. Psychology. Sociology. Pedagogy], 2013, no. 4, pp. 61–67. (in Russ.)
13. El'kin D.G. *Vospriyatie vremeni* [The Perception of Time], Moscow, APN RSFSR Publ., 1962, 310 p.
14. Adams J., Nettle D. Time perspective, personality and smoking, body mass, and physical activity: An empirical study. *British journal of health psychology*, 2009, vol. 14, no. 1, pp. 83–105. DOI: 10.1348/135910708X299664.
15. American Psychiatric Association et al. *DSM 5*, American Psychiatric Association, 2013.
16. Bolotova A.K., Hachaturova M.R. The role of time perspective in coping behavior. *Psychology in Russia: State of the Art*, 2013, vol. 6, pp. 120–131. DOI: 10.11621/pir.2013.0311.
17. Boniwell, I., Osin, E., Linley, P.A. and Ivanchenko, G.V. A Question of Balance: Time Perspective and Well-being in British and Russian samples. *The Journal of Positive Psychology*, 2010, vol. 5, no. 1, pp. 24–40.
18. Brady K.T., Randall C.L. Gender differences in substance use disorders. *Psychiatric Clinics of North America*, 1999, vol. 22, no. 2, pp. 241–252. DOI: [http://dx.doi.org/10.1016/S0193-953X\(05\)70074-5](http://dx.doi.org/10.1016/S0193-953X(05)70074-5).
19. Braitman A.L., Henson J.M. The impact of time perspective latent profiles on college drinking: a multi-dimensional approach. *Substance use & misuse*, 2015, vol. 50, no. 5, pp. 664–673. DOI: <https://doi.org/10.3109/10826084.2014.998233>.
20. Davies S., Filippopoulos P. Changes in Psychological Time Perspective During Residential Addiction Treatment: A Mixed-Methods Study. *Journal of Groups in Addiction & Recovery*, 2015, vol. 10, no. 3 pp. 249–270. DOI: <https://doi.org/10.1080/1556035X.2015.1066728>.
21. Fieulaine N., Martinez F. About the fuels of self-regulation: Time perspective and desire for control in adolescents substance use. *The psychology of self-regulation*, 2011, pp. 102–121.
22. Henson J.M., Carey M.P., Carey K.P., Maisto S.A. Associations among health behaviours and time perspective in young adults. *Journal of behavioral medicine*, 2006, no. 2, pp. 127–137. DOI: 10.1007/s10865-005-9027-2.
23. Keough K.A., Zimbardo P.G., Boyd J.N. Who's smoking, drinking, and using drugs? Time perspective as a predictor of substance use. *Basic and applied social psychology*, 1999, vol. 21, no. 2, pp. 149–164. DOI: <https://doi.org/10.1207/S15324834BA210207>.
24. Lens W. et al. Future time perspective as a motivational variable: Content and extension of future goals affect the quantity and quality of motivation. *Japanese Psychological Research*, 2012, vol. 54, no. 3, pp. 321–333. DOI: 10.1111/j.1468-5884.2012.00520.x.
25. Manganiello J.A. Opiate addiction: A study identifying three systematically related psychological correlates. *International Journal of the Addictions*, 1978, vol. 13, no. 5, pp. 839–847. DOI: <https://doi.org/10.3109/10826087809039307>.
26. Nuttin J. *Future time perspective and motivation: Theory and research method*. Psychology Press, 2014, 235 p.
27. Ogden R., Montgomery C. High time. *PSYCHOLOGIST*, 2012, vol. 25, no. 8, pp. 590–592.
28. Ortuco V.E.C., Gamboa V., Gomes C. Links between Time Perspective and alcohol consumption, 2010. Available at: http://www.academia.edu/2535063/Links_between_Time_Perspective_and_alcohol_consumption (accessed: 18.09.2016).
29. Petry N.M., Bickel W.K., Arnett M. Shortened time horizons and insensitivity to future consequences in heroin addicts. *Addiction*, 1998, vol. 93, no. 5, pp. 729–738. DOI: 10.1046/j.1360-0443.1998.9357298.x.
30. Siu N. Y. F. et al. Time perception and time perspective differences between adolescents and adults. *Acta psychological*, 2014, vol. 151, pp. 222–229. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.actpsy.2014.06.013>.

31. Teuscher U., Mitchell S.H. Relation between time perspective and delay discounting: A literature review. *The Psychological Record*, 2011, vol. 61, no. 4, p. 613.
32. Wechsberg W.M., Craddock S.G., Hubbard R.L. How are women who enter substance abuse treatment different than men?: A gender comparison from the Drug Abuse Treatment Outcome Study (DATOS). *Drugs & Society*, 1998, vol. 13, no. 1-2, pp. 97–115. DOI: https://doi.org/10.1300/J023v13n01_06.
33. Wills T.A., Sandy J.M., Yaeger A.M. Time perspective and early-onset substance use: A model based on stress-coping theory. *Psychology of addictive behaviors*, 2001, vol. 15, no. 2, p. 118.
34. Wittmann M., Butler E. *Felt Time: The Psychology of How We Perceive Time*, Mit Press, 2016. 184 p.
35. Wittmann M. et al. Impaired time perception and motor timing in stimulant-dependent subjects. *Drug and alcohol dependence*, 2007, vol. 90, no. 2, pp. 183–192. DOI: <http://dx.doi.org/10.1016/j.drugalcdep.2007.03.005>.
36. Wittmann M. et al. Time Perspective and Emotion Regulation as Predictors of Age-Related Subjective Passage of Time. *International journal of environmental research and public health*, 2015, vol. 12, no. 12, pp. 16027–16042. DOI:10.3390/ijerph121215034.
37. Wittmann M., Paulus M.P. Decision making, impulsivity and time perception. *Trends in cognitive sciences*, 2007, vol. 12, no. 1, pp. 7–12.
38. Zimbardo P.G., Boyd J.N. Putting Time in Perspective: A Valid, Reliable Individual-Differences Metric. *Journal of Personality and Social Psychology*, 1999, vol. 77, no. 6, pp. 1271–1288. DOI: <https://doi.org/10.1037/0022-3514.77.6.1271>.

Received 10 October 2016

ОБРАЗЕЦ ЦИТИРОВАНИЯ

Особенности субъективного восприятия психологического времени пациентов, проходящих лечение от алкогольной и наркотической зависимостей / С.Г. Климанова, А.В. Трусова, А.А. Березина и др. // Вестник ЮУрГУ. Серия «Психология». – 2016. – Т. 9, № 4. – С. 50–63. DOI: 10.14529/psy160405

FOR CITATION

Klimanova S.G., Trusova A.V., Berezina A.A., Mustafina K.A., Shamaeva A.N., Gvozdetsky A.N. Characteristics of Subjective Perception of Psychological Time in Individuals with Alcohol and Other Substance Use Dependence. *Bulletin of the South Ural State University. Ser. Psychology*. 2016, vol. 9, no. 4, pp. 50–63. (in Russ.). DOI: 10.14529/psy160405